

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-214-229>

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ

Алексей Викторович Шушеначев

Сибирский федеральный университет, 660041, Россия,
г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79

a.shushenachev@inbox.ru

Аннотация

В современную эпоху имеет место все более нарастающее в своих темпах и объемах внедрение цифровых технологий в различные сферы человеческой деятельности, в том числе в уголовное судопроизводство. Этот процесс сопряжен не только с очевидными преимуществами, но и с рядом рисков и издержек. Цель исследования – раскрыв наиболее очевидные проблемы, возникающие в ходе цифровизации уголовного процесса, предложить пути к их разрешению: это может заинтересовать как ученых-криминалистов, так и законодателей, а равно и практиков, работающих в сфере правоприменения. В исследовании осуществлен анализ статей, посвященных соответствующей проблематике, сопоставлен ряд выявленных в них проблем, а также подвергнуты анализу предлагаемые пути их разрешения. Автором проведено обобщение ряда публикаций как отечественных, так и зарубежных специалистов, посвященных проблемам цифровизации уголовного процесса. Цель исследования обусловила выбор его научных методов, как общенаучных (системный, диалектический, структурно-функциональный, логический), так и частнонаучных (сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой и пр.). Автором выявлена необходимость более системного и всестороннего анализа сложившейся в этом аспекте практики во всей совокупности ее плюсов и минусов. Выявление возникающих в этом процессе рисков даст возможность разработать адекватное современным требованиям программное обеспечение вкпе с условиями, регламентирующими его использование в уголовном процессе.

Ключевые слова: цифровые технологии; правоприменение; уголовное судопроизводство; права и свободы человека.

Для цитирования: Шушеначев А. В. Цифровые технологии в уголовном процессе: проблемы и риски // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 214–229. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-214-229>

Research Article

DIGITAL TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS AND RISKS

Alexey V. Shushenachev

Siberian Federal University, 79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia
a.shushenachev@inbox.ru

Abstract

In the modern era, the introduction of digital technologies into various spheres of human activity, including criminal proceedings, is increasingly increasing in its pace and volume. This process involves not only obvious advantages, but also a number of risks and costs. The purpose of the study is to reveal the most obvious problems that arise during the digitalization of the criminal process, to suggest ways to resolve them: This may be of interest to both forensic scientists and legislators, as well as practitioners working in the field of law enforcement. The study analyzes articles devoted to relevant issues, compares a number of problems identified in them, and analyzes the proposed ways to resolve them. The author has summarized a number of publications by both domestic and foreign experts on the problems of digitalization of the criminal process. The purpose of the study determined the choice of his scientific methods, both general scientific (systemic, dialectical, structural-functional, logical) and private scientific (comparative legal, formal legal, historical-legal, etc.). The author identified the need for a more systematic and comprehensive analysis of the practice in this aspect in the totality of its advantages and disadvantages. The identification of risks arising in this process will make it possible to develop software adequate to modern requirements, together with the conditions governing its use in criminal proceedings.

Keywords: digital technologies; law enforcement; criminal procedure; human rights and freedoms.

For citation: *Shushenachev A. V. Digital Technologies in Criminal Proceedings: Problems and Risks. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 1, pp. 214–229. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-1-214-229>

Введение

Одной из важнейших составляющих трансформации общества в современную эпоху, безусловно, является процесс цифровизации, представляющий собой процесс перехода от аналоговых форм накопления, хранения и передачи информации к цифровым, основанным на двоичной системе ее кодирования. Сфера права – как криминалистики, так и правоприменения – в этом аспекте не представляет собой исключения. В данной статье мы рассмотрим проблемы совместимости уголовного судопроизводства с современными цифровыми технологиями, а также сопряженные с этим сложности и риски.

Цифровизация уголовного судопроизводства – сравнительно новая сфера исследования; вплоть до недавнего времени лишь немногие исследователи занимались ее проблематикой. Это связано с тем, что процесс цифровизации уголовного процесса за рубежом был инициирован не ранее, чем в последней трети минувшего века (в России же – в его последние десятилетия), то, соответственно, никакие исследования в этой сфере как в советский, так и в досоветский периоды иметь место не могли. По этой причине ретроспективный анализ публикаций не проводился.

Ряд аспектов использования цифровых и видеотехнологий в процессе судебного разбирательства в современную эпоху рассмотрены в работах Е. К. Антонович, О. Я. Баева, Л. В. Брусницына, З. С. Васильевой, Т. Ю. Вилковой, А. С. Герман, А. А. Гравиной, Т. А. Гусевой, А. Ю. Епихина, В. В. Иванова, А. В. Казаковой, О. В. Качаловой, В. Я. Колдина, С. А. Краснопевцева, В. А. Лазаревой, А. Лейба, Л. Н. Масленниковой, Б. А. Поликарпова, И. П. Поповой, Е. В. Селиной, А. А. Хайдарова, А. Г. Хапиулина, Ю. А. Цветкова, И. И. Шереметьева, Л. А. Шестаковой, С. Щерба и др.

Сохраняют свою актуальность вопросы дальнейшего совершенствования и трансформации наличествующих методов и механизмов, ориентированных на предотвращение и нейтрализацию возможных нарушений в уголовном процессе. В этом направлении работали такие исследователи, как В. А. Азаров, А. С. Александров, А. Р. Белкин, В. М. Быков, Л. М. Володина, К. Ф. Гуценко, А. А. Давлетов, И. Ф. Демидов, Л. М. Карнеева, А. А. Кириллова, Н. Н. Ковтун, А. А. Леви, В. З. Лукашевич, Ю. А. Ляхов, В. Н. Махов, Е. М. Пучковская, М. К. Свиридов, Н. А. Сидорова, А. В. Смирнов, Ф. Н. Фаткуллин и др. Необходимо подчеркнуть существенный вклад этих авторов в уголовный процесс как в теоретическом, так и в практическом – законодательном и правоприменительном аспектах.

Объект данного исследования – общественные (социальные) отношения, складывающиеся в процессе использования судом тех или иных цифровых технологий в процессе судебного разбирательства.

Предметом исследования являются как теоретические разработки, так и ряд аспектов правового регулирования, а равно практика применения правил, определяющих порядок использования судом тех или иных цифровых технологий в процессе судебного разбирательства при рассмотрении споров уголовного и уголовно-процессуального характера.

Целью исследования является анализ использования цифровых технологий в процессе судебного разбирательства, связанного с рассмотрением и разрешением споров уголовного и уголовно-процессуального характера, а также выработка

новых и рассмотрение ранее предложенных рекомендаций по совершенствованию как законодательства, так и правоприменения в уголовно-процессуальной сфере.

Исходя из поставленной цели задачи данного исследования можно сформулировать следующим образом:

- рассмотреть и раскрыть применительно к использованию в уголовном судопроизводстве содержание понятия «цифровые технологии»;

- проанализировать сложившуюся практику правового регулирования использования судом тех или иных цифровых технологий в уголовном судопроизводстве как РФ, так и ряда зарубежных государств;

- выявить проблемы, связанные с правовым регулированием использования цифровых технологий в сфере уголовного судопроизводства, а также сформулировать предложения, направленные на совершенствование действующего здесь законодательства.

1. Методы

Методологическую основу данного исследования составляет материалистическая диалектика как общефилософский метод познания, а также ряд общенаучных методов – анализ и синтез, индукция и дедукция, методы герменевтический, системно-структурный и социологический, а равно статистический и синергетический. Из частнонаучных (специально-юридических) использовался сравнительно-правовой метод исследования.

2. Результаты

Отмечено, что, для предупреждения и нейтрализации возникающих в процессе цифровизации уголовного судопроизводства издержек и неувязок, необходимо системное изучение и всесторонний анализ сложившейся в этом аспекте практики во всей совокупности ее плюсов и минусов. Указанная задача к настоящему моменту в необходимом для полноценного выявления возникающих в этом процессе рисков виде не решена, без чего невозможна разработка соответствующего программного обеспечения в совокупности с необходимой регламентацией его применения в уголовном процессе.

Представляется очевидной необходимость исследования и адекватной оценки судом полученных электронных доказательств в смысле их подлинности и целостности, а также надежности, актуальности и приемлемости в отношении как источника информации, так и ее содержания.

Кроме того, рассматривается возможность учреждения специализированного ведомства с прерогативами контроля уровня надежности доказательств электронного характера, а также обеспечения их сохранности при надлежащем архивировании и хранении.

3. Обсуждение

Уголовный процесс традиционно, на протяжении известной нам истории, представлял собой важную сферу человеческой деятельности. Как само преступление, так и его расследование, а также суд над преступником предполагали и предполагают

активное взаимодействие социального характера. Его структура зародилась в древнейшие времена, с самого начала следуя определенному порядку действий:

- выявление преступления при получении соответствующей просьбы о защите от пострадавших;
- установление обстоятельств совершения и состава преступления;
- получение и последующее исследование доказательств и объяснений с их последующим исследованием;
- принятие решения относительно виновности (либо невиновности) тех или иных лиц, степени их вины и соответствующей меры наказания (либо освобождения от наказания).

Указанные элементы структуры уголовного производства в дальнейшем лишь модифицируются и трансформируются в соответствии с актуальными на данный момент общественными отношениями и природой уголовного конфликта [13; 14].

По мнению Л. А. Воскобитовой, «усложнялись социальные отношения, усложнялись формы и способы преступного поведения, усложнялись и процессуальные правила, регулирующие процессуальное производство по уголовным делам, но главными акторами этой деятельности всегда были и остаются люди» [4, с. 92].

Цифровизация той или иной сферы человеческой деятельности дает:

- 1) существенное увеличение объемов накопленной в тех или иных базах данных информации.
- 2) широкий доступ к указанной информации.
- 3) практически мгновенный обмен информацией между заинтересованными лицами;
- 4) удобный – в смысле поиска и обработки – формат получаемой информации.

Во многих областях человеческой деятельности результатом цифровизации становится все более расширяющееся использование электронных систем там, где ранее использовался лишь «ручной труд»: в полной мере это касается и уголовного судопроизводства. В частности, формируются различные комплексы справочно-правового характера, принципиально облегчающие действующим лицам уголовного процесса поиск необходимой информации. В этом контексте необходимо упомянуть систему ГАС «Правосудие», обеспечившую более широкую доступность судебных приговоров.

Следственные и процессуальные действия сегодня, как правило, фиксируются с использованием соответствующих технологий. Техника видеонаблюдения, широко используемая в местах массового скопления людей, позволяет эффективно выявлять, раскрывать и расследовать те или иные преступления, совершаемые в контролируемой ей зоне.

Начиная с 2011 г. в уголовно-процессуальной сфере стала внедряться практика организации видеоконференций (ст. 240, 399 УПК РФ) [1] для получения показаний в процессе разбирательства в судах различных инстанций; эта практика представляется чрезвычайно значимой в условиях нашей страны с находящимися в ее составе удаленными и труднодоступными территориями.

Процесс расследования преступлений с использованием компьютерной техники или технологии также потребовал соответствующей регламентации действий,

производимых с электронными носителями и содержащейся на них информации (ст. 82, п. 5 ч. 2, ст. 182, ч. 9.1 и ст. 183, ч. 3.1 УПК РФ) [1].

Примерно в 2013–2015 гг. в уголовном процессе стали применяться СМС-повестки участникам процессуальных действий; кроме того, потерпевшему, с целью повышения эффективности взаимодействия с ним, была вменена в обязанность дача сведений об адресе его электронной почты (ст. 42, ч. 5.1 УПК РФ) [1].

Следующий шаг в процессе легализации электронного документооборота в уголовном процессе – введение в 2016 г. понятия «электронный документ», вкупе с регламентацией его применения. Тогда же появляется возможность использования тем или иным лицом так называемой усиленной электронной подписи.

Таким образом, мы можем констатировать определенный прогресс в процессе цифровизации уголовного судопроизводства и его легализации: Этот процесс, бесспорно, весьма перспективен; он подкрепляется, помимо всего прочего, Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, предусмотренной указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 20311 [2].

Мы полагаем, что, с учетом сегодняшнего уровня цифровизации уголовно-процессуальной сферы в РФ, а равно очевидных ее перспектив, эта тенденция должна получить поддержку и со стороны Правительства РФ, в частности Министерства юстиции. Например, в структуре этого министерства можно создать ведомство, полномочное контролировать уровень надежности используемых в уголовном процессе электронных доказательств, а также гарантировать их сохранность по завершению дела. Естественно, подобное нововведение потребует разработки и принятия соответствующего нормативного документа (либо совокупности такого рода документов).

Здесь необходимо подчеркнуть, что всесторонняя и бесконтрольная цифровизация, недостаточно продуманное внедрение современных цифровых технологий в уголовный процесс могут быть сопряжены с более или менее очевидными рисками.

Некоторые авторы особенно подчеркивают связанные с цифровизацией издержки. В частности, Воскобитова утверждает: «... нельзя недооценивать весьма великий риск судебных и следственных ошибок, несправедливости разрешения дела и нарушения прав человека, если принятие решений и/или совершение процессуальных действий будет осуществлять машина, запрограммированная и действующая на принципах предельного упрощения и формализации информации и однозначности вариантов решений. Отметим, что при использовании электронных доказательств необходимо учитывать более высокий риск потенциального уничтожения или потери электронных доказательств по сравнению с неэлектронными; требуется устанавливать адекватные процедуры для безопасного изъятия и сбора электронных доказательств; электронные доказательства должны собираться надлежащим и безопасным образом и представляться в суды с использованием надежных услуг, таких как услуги по проверке надежности» [4, с. 94].

Надо отметить, что цифровизация уголовного процесса, во всей совокупности ее преимуществ и недоработок, не могла не инициировать дискуссию в среде правоведов, сопряженную со всесторонним обсуждением связанных с этим процессом рисков. В ряде зарубежных публикаций, связанных с данной тематикой, проблеме рисков уделяется заметное внимание. В частности, в британском судо-

производстве проблемы, связанные с цифровизацией уголовно-правовой сферы выразились в неумении участников процесса использовать компьютер и связанные с ним возможности, – это касалось, в том числе, и работников адвокатуры [15]. В некоторых ситуациях внедрение цифровых технологий приводило к устранению адвокатов из рассмотрения дела судом, что воспринималось крайне болезненно – как явное нарушение равноправия сторон в уголовном процессе [16].

Некоторые авторы предлагают применить «метод экспериментального использования цифровых технологий, сопровождаемый необходимым правовым регулированием, в том числе предусматривающий согласие участников процесса на участие в таком эксперименте. Например, сначала цифровые технологии могли бы вводиться наряду и параллельно с традиционными «человеческими» формами производства, учитывая согласие участников соответствующего процессуального действия» [4, с. 95].

Помимо взаимозаменяемости сложившихся технологий уголовного судопроизводства, предусмотренного УПК РФ, эксперимент в этой сфере может предполагать, в частности, перевод на цифровую технологию не уголовного процесса в целом, но отдельных, наиболее предрасположенных к алгоритмизации его составляющих. Это касается, в частности, деятельности арбитражных судов, где документы в электронной их форме (в том числе исковые заявления) применяются достаточно широко [9].

Мы полагаем, что в уголовном судопроизводстве сообщение о совершении преступления (или соответствующее заявление) может не только подаваться (приниматься) в форме электронного документа, но и адекватным образом учитываться [3]. Впрочем, согласно инструкции МВД, относящейся ко всем видам обращений в органы внутренних дел, заявление (или сообщение) может быть лишь подано в электронном виде: при последующей работе с ним оно должно быть перенесено на бумагу. Здесь следует подчеркнуть, что, с целью своевременной и полной проверки такого рода обращения, необходимо решить вопрос о его официальном принятии и последующей регистрации в возможно более краткие сроки.

В связи с этим представляется весьма желательным разработка специальной формы электронного документа, содержащей информацию о преступлении в виде соответствующих, подлежащих заполнению, разделов.

Признаки, свидетельствующие о наличии состава преступления, вполне могут быть выявлены компьютером, – естественно, на основе ясных ответов заявителя на правильно поставленные и корректно сформулированные вопросы: информация о наличии либо отсутствии этих признаков может быть идентифицирована непосредственно при подаче заявителем электронного документа. При этом должна иметь место немедленная регистрация обращения в качестве повода для возбуждения соответствующего уголовного дела, а также исключается влияние субъективных факторов, неизбежных при участии в этой процедуре должностных лиц (связанных со следственными или судебными перспективами дела). Кроме того, было бы не лишним внести в такого рода программу возможность автоматической передачи полученной информации должностным лицам, ответственным за проведение дознания/следствия. Подобного рода процедура уже применяется

в арбитражных судах, что – надо подчеркнуть! – повышает эффективность судебного разбирательства.

Подобного рода экспериментальный подход к последовательной цифровизации уголовно-процессуальной сферы предполагает отслеживание как плюсов, так и минусов, связанных с внедрением электронной документации с целью последовательного освоения современной процессуальной практики, корректировки соответствующих механизмов правового регулирования, минимизации возникающих рисков, а также возможно более многофакторного учета при разработке соответствующего программного обеспечения.

Что, в первую очередь, необходимо учитывать должностным лицам, принимающим решение о внедрении того или иного цифрового механизма (технологии) в уголовно-процессуальную сферу?

Во-первых, необходимо принять во внимания ряд особенностей уголовного процесса, объективно ему присущих и обусловленных природой складывающихся в его ходе, весьма специфических отношений. Далее, необходимо учитывать принципиальную возможность формализации данной составляющей комплекса процессуальных действий. В-третьих, нельзя упускать возможность укрепления (ни в коем случае не ослабления!) гарантий прав и свобод личности, участвующей в уголовном судопроизводстве. Кроме того, необходимо принять во внимание возможность иных приобретений, связанных с внедрением в судебную практику цифровых технологий, в частности, увеличения скорости судопроизводства при упрощении некоторых его процедур, очевидной экономии человеческих ресурсов и т.д.

Для того, чтобы определить наличествующие сегодня возможности внедрения цифровых технологий в исследуемую нами сферу, обратим внимание на характерную специфику уголовного судопроизводства, объективно требующую вовлеченности в него человека, поскольку искусственный интеллект на современном этапе своего развития лишен ряда принципиальных качеств, присущих человеческому сознанию. Подробное исследование такого рода способностей осуществляющего судопроизводство человека имеет место в диссертации П. М. Морхата [6].

Автор, в частности, утверждает, что адекватное выполнение судьями своих профессиональных обязанностей предполагает не только знание норм Закона, но и определенный уровень «когнитивной и эмоциональной компетенции», ни в коей мере не присущих современным ЭВМ [6, гл. 1, § 1.3.].

Морхарт полагает, что «эмоциональная компетентность» дает судье возможность выявлять и различать как подлинные, так и мнимые интересы действующих лиц, а также скрытые причины их действий. Лицо, наделенное «эмоциональной компетенцией», способно вычленять правдивые, равно как сомнительные, а также ложные показания, выделяя первые как основу системы базовых доказательств по рассматриваемому делу [6, с. 136].

Как полагает А. Шмелев, «именно эмоциональная компетентность позволяет судьям учитывать неоднозначность рассматриваемого дела, возникающую в силу или сложившихся фактических обстоятельств, или смысловой неопределенности представленных доказательств, или принципиальной неопределенности выбора применимой нормы права; когда вступают в противоречие справедливость и за-

конность; когда нельзя не принимать во внимание нравственные нормы. Такие ситуации наглядно иллюстрируются решениями суда присяжных, когда в своем нуллифицирующем вердикте они, отвечая положительно на вопросы о доказанности фактических обстоятельств дела и причастности подсудимого, тем не менее выносят решение о его невинности» [10].

Таким образом, если судья в процессе разбирательства того или иного уголовного дела намерен руководствоваться не только формальными требованиями закона, но и стремлением к разрешению имеющих место противоречий между частными и общественными интересами, учитывая как правовую, так и нравственную значимость принимаемого решения во всей совокупности видимых его последствий, ему требуется такого рода «эмоциональная компетентность», – при наличии надлежащего жизненного опыта. Компьютер, лишенный подобной эмоциональной составляющей, как считает Морхат, не способен принимать взвешенные судебные решения: они неизменно будут чрезмерно формализованными и прямолинейными [6, с. 135].

Здесь Морхат основывается на выводах Х. Вона, утверждающего, что искусственный интеллект не может служить заменой человеческому разуму или человеческому чувству справедливости. Исход судебного разбирательства – это не вопрос вероятности, а реальная жизнь людей, обращаться с которой должны другие люди, которые способны учитывать практические последствия принятия юридически значимых решений. Независимо от того, как могут развиваться передовые технологии, такие технологии не могут принимать решения за людей и судить их» [6, с. 133].

Следуя этой логике, мы должны подчеркнуть, что деятельность следователя или дознавателя, по крайней мере, в современных условиях, поддается формализации – а следовательно, и цифровизации – еще в меньшем объеме, нежели деятельность судьи или присяжного заседателя. Работа в условиях неопределенности, очевидной нехватки или противоречивости имеющейся в его распоряжении информации не дает возможность «цифровизировать» процесс расследования уголовного дела (за исключением чисто технических его аспектов).

То же самое можно сказать и о деятельности обвинителя, в частности, потому что утверждение обвинительного заключения находится в компетенции одного лица, а поддержание обвинения – в компетенции другого. Мнения этих лиц по вопросам, связанных с виновностью, доказанностью обвинения и пр. могут порой принципиально расходиться. Если собранных доказательств явно недостаточно для выдвижения обвинения, если они не подтверждены фактами или выглядят сомнительно, обвинитель может оказаться в ситуации, когда выход возможен лишь в гармоничном сочетании всех трех видов компетентности – правовой, когнитивной и эмоциональной.

Некоторые исследователи считают, что использование искусственного интеллекта в уголовном процессе имеет существенные преимущества, так как последний «не подвержен коррупции и эмоциям, способен строго придерживаться законодательных рамок и выносить решения с учетом многих факторов, включая данные, характеризующие участников спора; оперировать существенно большими, нежели человек, объемами массивов данных из хранилищ государственных служб, например массивом дел, по которым на протяжении нескольких лет не удалось

раскрыть преступления; архивом судебных дел и справочных правовых систем; сможет несопоставимо быстрее обрабатывать данные и учитывать значительно больше факторов, чем судья-человек» [5].

Каждое уголовное дело тем не менее уникально и неповторимо – об этом свидетельствует как следственная, так и судебная практика. Поскольку цифровые технологии, так или иначе, основываются на массивах данных, обобщенных и в высшей степени формализованных, в ряде случаев они могут оказаться неадекватными, а выносимые таким образом решения – несправедливыми или даже неправосудными.

Какое решение может принять суд в подобной ситуации? Дело может быть возвращено обвинителю с целью исправления выявленных следственных ошибок или недостатков. Суд может предложить иную, отличающуюся от первоначальной, классификацию наказуемого деяния, как бы предварив своим решением последующую его доработку. Здесь опять-таки многое зависит от когнитивной, а равно и эмоциональной компетентности судьи.

Таким образом, мы можем констатировать, что волюнтаристский подход к цифровизации уголовно-процессуальной сферы в строго определенных сроки совершенно неприемлем. Соответственно, не выдерживают критики аргументы его сторонников, уверенных в том, что «следователь в российском уголовном процессе только составляет протоколы, что это «мертвая профессия» и поэтому уже в настоящее время может быть с легкостью заменена электронными технологиями» [7]. Указанная позиция никак не отражает реальное содержание процесса расследования, игнорируя его эвристическую составляющую, связанную со свободным поиском вариантов там, где информация, значимая юридически, отсутствует либо является очевидно неполной. Оценка доказательств в уголовном процессе далеко не всегда может быть алгоритмизируема: кроме того, состязательность сторон при недостаточности или неоднозначности имеющейся в распоряжении суда информации не дает возможность задействовать искусственный интеллект в решении такого рода задач.

Ряд авторов справедливо подвергает критике предложения о внедрении в уголовно-процессуальную практику так называемого народного правосудия, где предлагается, упразднив следствие, дать возможность инициировать производство по уголовным делам каждому, – путем предоставления ему не только возможности направлять в соответствующие инстанции сообщения о совершенном преступлении, но и права проведения самостоятельного расследования, сбора доказательств с последующей передачей собранных материалов в суд в суд.

Приведем, в частности, мнение П. Скоробогатого: «Реформировать судебную систему» – с ходу предлагает каждый второй респондент, отвечая на вопрос «как нам обустроить Россию?». Причем рецепты предлагаются преимущественно радикальные, в диапазоне от «комплексных структурных преобразований» до «всех разогнать и набрать новых». А за многими «концептуальными предложениями» видится не столько реальное понимание проблем системы, сколько спекуляции и игра на укорененном в общественном мнении наборе штампов и мифов о работе судебной ветви власти» [8].

Мы не считаем приемлемыми подобного рода «радикальные подходы» к рассматриваемой нами проблематике, ибо их апологеты игнорируют не только особен-

ности современного этапа цифровизации с пока еще ограниченными возможностями искусственного интеллекта, но и специфику уголовного процесса, объективно ему присущую и так или иначе проявляющуюся на всех его этапах. В подобной ситуации внедрение цифровых технологий в уголовно-процессуальную сферу не приводит к заметным положительным результатам. К тому же вопросы обеспечения соответствующих прав и свобод участников уголовного процесса, а равно достоверности собранной информации, ее хранения и неизменности, не говоря уже о правосудности принимаемых решений и их проверки, сторонниками «радикального подхода» вообще не рассматриваются. Соответственно, возникают проблемы, связанные возможностью как выявления, так и надлежащего учета порождаемых цифровизацией рисков.

Процессуальное познание и доказывание представляет собой еще один компонент уголовно-процессуальной деятельности, где, бесспорно, при обсуждении перспектив цифровизации должна учитываться «человеческая» составляющая. В уголовном судопроизводстве имеют место ситуации, где как установленные факты, так и собранные доказательства могут, противореча друг другу, не укладываться в единую схему. Поиск норм права, соответствующих подобного рода уголовным делам, порой также сопряжен с противоречиями: в частности, может сложиться ситуация, когда ни одна из наличествующих правовых норм не соотносится в точности с фактами или, напротив, последние можно соотнести не с одной, а с несколькими нормами.

Подобная задача вряд ли способна быть решена компьютером без участия человека; в то же время компьютер, используемый как вспомогательное средство в уголовном судопроизводстве, способен существенно облегчить работу судьи или следователя, в частности, в процессе обоснования в процессе принятия решения. Кроме того, он способен представить на рассмотрение следствия или суда возможно более полный набор вариантов решения, дополнив анализ обстоятельств рассматриваемого дела наличествующим в базе данных анализом соответствующих материалов, относящихся к аналогичным случаям, а также решений по этим делам.

Соответствующим образом запрограммированный компьютер может оказать некоторую помощь в процессе поиска следов расследуемого преступления; при этом надо понимать, что как следы преступления, так и доказательство, сформированное с их помощью, не может оцениваться компьютером самостоятельно. Участие человека в процессе оценки ее относимости к расследуемому делу, как и вопросов допустимости и достоверности полученного доказательства, представляется совершенно необходимым. Такого рода оценка основывается на внутреннем убеждении человека и может быть алгоритмизирована (формализована). Более того, учитывая различные подходы к допустимости доказательств, используемых обвинением и защитой, мы считаем, что полагаться на искусственный интеллект в подобной ситуации вряд ли допустимо.

Как утверждает Воскобитова, рассматриваемое расхождение в подходах «вытекает из системного сопоставления различных норм, выявления смысла предписаний, умения профессионально толковать текст закона и смыслы слов в из-

ложении той или иной нормы. Из текста ст. 75 УПК РФ следует, что недопустимые доказательства не могут использоваться только «для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 настоящего Кодекса», т.е. не могут использоваться для доказывания позитивного утверждения о фактах, имеющих значение по делу. Но из этого не следует текстуальный запрет на его использование для обоснования «негативного» утверждения: в силу такого доказательства (особенно, если это доказательство оказывается решающим в данном деле), стороне обвинения (один из субъектов которой и допустил оспариваемое нарушение) не удалось опровергнуть доводы защиты. Не удалось вне разумных сомнений доказать причастность обвиняемого к совершению преступления, вследствие чего виновность обвиняемого осталась недоказанной. Такая логика рассуждений пока доступна профессиональному юристу, хотя, как показывает судебная практика, даже он не всегда понимает ее и способен применить к оценке доказательств в конкретном деле. Сомнительно, сможет ли машина выявить такую невнятную регламентацию в тексте закона и правильно по смыслу, по сути, применить его в конкретном деле» [4, с. 101].

Тем не менее современные технологии цифрового характера (прежде всего, камеры видеозаписи), используемые в разных, порой весьма далеких от уголовно-правовой сферы областях, могут быть весьма полезны следствию в процессе поиска доказательств: подобная познавательная ситуация, в ряде аспектов принципиально новая, требует специальных исследований. Как показывает практика, эти возможности уже используются с целью выявления преступного поведения подозреваемых с его последующей фиксацией при расследовании уголовных дел с определенной спецификой (связанных с нарушениями правил торговли, обманом покупателей, взяточничестве и пр.). В частности, в делах о взятках аудиовидеозапись как доказательство причастности обвиняемого к совершению преступления, ему инкриминируемого, рассматривается как достаточное. В свою очередь, ее отсутствие оставляет, как правило, обвинение недоказанным [12].

Наличие камер видеозаписи создает особенную ситуацию, связанную с эффектом присутствия следователя (дознателя) на месте преступления в момент его совершения. Полученное таким образом доказательство не содержит, в то же время, законных оснований для его отвода. Факт совершения преступления в этой ситуации воспринимается непосредственно, а обстоятельства, ему сопутствующие, в юридически значимых подробностях [11]. Данные обстоятельства, выявленные средствами видеозаписи, не требуют повторного установления тем или иным способом. Дополнительные доказательства в рассматриваемой ситуации могут понадобиться только в особых случаях (в частности, при наличии обоснованных сомнений в подлинности записи, а также при выявлении иных обстоятельств уголовного дела). Таким образом, использование средств видеозаписи часто дает эффект, соответствующий поимке преступника с поличным.

По мнению некоторых авторов, «такая технически обеспеченная ситуация познания создает совершенно новое основание для дифференциации и упрощения форм расследования и судебного разбирательства. Именно по таким делам, когда преступление совершено «под камеру», может быть использовано упрощенное

дознание или следствие, не требующее совершения всех формально обязательных в настоящее время процессуальных действий. По таким делам возможно и упрощенное, суммарное судебное разбирательство, когда для вынесения судебного решения достаточно видеозаписи, устанавливающей время, место и иные обстоятельства дела, виновность обвиняемого и форму его вины, если при этом сама запись и событие не оспариваются правонарушителем. Признание правонарушителем, что событие отражено камерой именно так, как оно было совершено, вполне может позволять ограничиться минимумом других доказательств для установления иных обстоятельств ст. 73 УПК РФ. И только если правонарушитель предлагает иную трактовку события, зафиксированного видеокamerой, может потребоваться расследование в полном объеме для проверки версии обвиняемого или опровержения доводов, приводимых в его защиту» [4, с. 102].

Заключение

Сегодня представляется очевидным, что для предупреждения и нейтрализации возникающих в процессе цифровизации уголовного судопроизводства издержек и неувязок необходимо системное изучение и всесторонний анализ сложившейся в этом аспекте практики во всей совокупности ее плюсов и минусов. Выявление возникающих в этом процессе рисков даст возможность разработать адекватное современным требованиям программное обеспечение вкупе с условиями, регламентирующими его использование в уголовно-процессуальной сфере.

Внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство не должно порождать и, в принципе, не порождает угроз в аспекте возможного нарушения прав человека. В то же время указанные технологии очевидно облегчают выявление события и обстоятельств совершения того или иного преступления. В дальнейшем, как мы полагаем, применение цифровых технологий приведет к более полной реализации гарантированных законом прав и свобод личности, по сравнению с сокращенным дознанием и упрощенными процедурами судопроизводства (применяемыми при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением). Здесь необходимо исключить или минимизировать перечисленные выше риски и неувязки посредством скрупулезного исследования и адекватной оценки судом полученных электронных доказательств в смысле их подлинности и целостности, а также надежности, актуальности и приемлемости в отношении как источника информации, так и ее содержания. Также представляется возможным учреждение специализированного ведомства в структуре Министерства юстиции РФ с прерогативами контроля уровня надежности доказательств электронного характера, а также обеспечения их сохранности при надлежащем архивировании и хранении.

В заключение мы должны еще раз подчеркнуть необходимость взвешенного, хорошо продуманного подхода к процессу цифровизации уголовного судопроизводства. Только такой, чрезвычайно осторожный, подход к внедрению цифровых технологий в уголовно-процессуальную сферу позволит достичь существенных преимуществ при минимизации неизбежно сопряженных с этим процессом рисков и издержек для судопроизводства, а равно и для лиц, в нем участвующих.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-09052017-n-203/strategiia-razvitiia-informatsionnogo-obshchestva-v/> (дата обращения: 18.02.2023).
3. Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Управление МВД России по Курской области : сайт. URL: <https://46.mvd.pf/document/6639923> (дата обращения: 18.02.2023).
4. *Воскобитова Л. А.* Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // *Lex Russica (Русский Закон)*. 2019. № 5 (150).
5. Искусственный интеллект может изменить судебную систему // *Times.kz* : сайт. URL: <https://timeskz.kz/23068-iskusstvennyu-intellekt-mozhet-izmenit-sudebnuyu-sistemu.html> (дата обращения: 18.02.2023).
6. *Морхат П. М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018.
7. *Семенцов В. А.* Эволюционный подход к цифровизации отечественного уголовного судопроизводства // Сборник статей научно-практической конференции МГУ – МГЮА, 27–28 ноября 2018 г. М. : Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2019.
8. *Скоробогатый П.* Судебные реформы требуют последовательности, а не революций // *Эксперт* : сайт. URL: <http://expert.ru/expert/2017/43/sudebnyie-reformy-trebuyut-posledovatelnosti-a-ne-revolyutsij/> (дата обращения: 18.02.2023).
9. *Шарипова А. Р.* Направления цифровизации уголовного судопроизводства: применимый опыт арбитражного процесса // Библиотека криминалиста. 2018. № 3.
10. *Шмелев А. Н.* Судебная нуллификация нормативного правового акта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.
11. *Яни П. С.* Достаточность доказательств по делам о взяточничестве // *Законность*. 2018. № 9.
12. *Barinova D., Ipatov O., Odinskaya M., Zhigadlo V.* Pedagogical Assessment of General Professional Competencies of Technical Engineers Training // *Annals of DAAAM and Proceedings of the International DAAAM Symposium*. 2019.
13. *Borodinova T. G., Petrikina A. A., Borodinov V. V., Gubko I. V.* Topical Issues of Interpretation of Criminal Procedural Norms, Based on Judicial Practice, Taking into Account World and Russian Components // *Scientific Journal of Interdisciplinary Research*. 2020. Vol. 9 (3).
14. *Hannah-Moffat K.* Algorithmic Risk Governance: Big Data Analytics, Race and Information Activism in Criminal Justice Debates // *Theoretical Criminology*. 2019. Vol. 23 (4).

15. Marks A., Bowling B., Keenan C. Automatic Justice? Technology, Crime and Social Control // SSRN : сайт. URL: <https://ssrn.com/abstract=2676154> (дата обращения: 18.02.2023).

16. Susskind R. Online Courts and the Future of Justice. Oxford : Oxford University Press, 2022.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

2. Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030. URL: <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-09052017-n-203/strategiia-razvitiia-informatsionnogo-obshchestva-v/> (date of the application: 18.02.2023). (In Russ.)

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 29 August 2014 No. 736 "On Approval of the Instructions on the Procedure for Receiving, Registering and Authorizing Statements and Reports of Crimes, Administrative Offenses, and Incidents in the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation". URL: <https://46.mvd.rf/document/6639923> (date of the application: 18.02.2023). (In Russ.)

4. Voskobitova L. A. Criminal Proceedings and Digital Technologies: Compatibility Problems. *Lex Russica (Russian Law)*, 2019, no. 5 (150). (In Russ.)

5. Artificial Intelligence Can Change the Judicial System. URL: <https://timeskz.kz/23068-iskusstvennyy-intellekt-mozhet-izmenit-sudebnuyu-sistemu.html> (date of the application: 18.02.2023). (In Russ.)

6. Morkhat P. M. Legal Personality of Artificial Intelligence in the Field of Intellectual Property Rights: Civil Legal Problems: PhD Thesis. Moscow, 2018. (In Russ.)

7. Sementsov V. A. Evolutionary Approach to the Digitalization of Domestic Criminal Proceedings. In Collection of Articles of the Scientific and Practical Conference of Moscow State University – Moscow State Law Academy, 27–28 November 2018. Moscow: Kutafin University (MSAL), 2019. (In Russ.)

8. Skorobogaty P. Judicial Reforms Require Consistency, Not Revolutions. URL: <http://expert.ru/expert/2017/43/sudebnyie-reformyi-trebuyut-posledovatelnosti-a-ne-revolyutsij/> (date of the application: 18.02.2023). (In Russ.)

9. Sharipova A. R. Directions for Digitalization of Criminal Proceedings: Applicable Experience of the Arbitration Process. *Criminologist Library*, 2018, no. 3. (In Russ.)

10. Shmelev A. N. Judicial Nullification of a Normative Legal Act: PhD Thesis. Moscow, 2022. (In Russ.)

11. Iani P. S. Sufficiency of Evidence in Cases of Bribery. *Legality*, 2018, no. 9. (In Russ.)

12. Barinova D., Ipatov O., Odinoakaia M., Zhigadlo V. Pedagogical Assessment of General Professional Competencies of Technical Engineers Training. In Annals of DAAAM and Proceedings of the International DAAAM Symposium. 2019.

13. Borodinova T. G., Petrikina A. A., Borodinov V. V., Gubko I. V. Topical Issues of Interpretation of Criminal Procedural Norms, Based on Judicial Practice, Taking into Account World and Russian Components. *Scientific Journal of Interdisciplinary Research*, 2020, vol. 9 (3).

14. *Hannah-Moffat K.* Algorithmic Risk Governance: Big Data Analytics, Race and Information Activism in Criminal Justice Debates. *Theoretical Criminology*, 2019, vol. 23 (4).

15. *Marks A., Bowling B., Keenan C.* Automatic Justice? Technology, Crime and Social Control. URL: <https://ssrn.com/abstract=2676154> (date of the application: 18.02.2023).

16. *Susskind R.* Online Courts and the Future of Justice. Oxford: Oxford University Press, 2022.

Сведения об авторе:

А. В. Шушеначев – аспирант.

Information about the author:

A. V. Shushenachev – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 14.11.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted to the editorial office 20.09.2023; approved after reviewing 14.11.2023; accepted for publication 05.02.2024.